

Масаев М.В.

РОЛЬ ОБРАЗА В ИНТЕРВАЛЬНОМ ПОДХОДЕ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В данной статье предпринимается попытка осмысления одного из подходов к философии истории с точки зрения герменевтики.

Как полагает Х. Гадамер, никакой плодотворно работающий исследователь не может в глубине души сомневаться в том, что хотя методическая чистота неизбежна для науки, но одно лишь применение привычных методов в гораздо меньшей степени составляет сущность всех исследований, чем нахождение новых, – и за этим стоит творческая фантазия исследователя. Кроме того, существует герменевтическая рефлексия, которая вырастает повсюду из конкретной практики науки и существует для методологических убеждений, т.е. контролируемого опыта и фальсификаций. Философская герменевтика включает философское движение нашего столетия, преодолевшее одно-стороннюю ориентировку на факт науки. Герменевтическая рефлексия рассматривается самым последовательным образом как теологический обскурантизм в научном эмпиризме, когда он поднимает «критический рационализм» до абсолютного масштаба истины [1, с. 615-619].

Известно, что «основой философского решения тех или иных мировоззренческих вопросов является принцип рациональности» [2, с. 1]. Человеческий разум, постигая мир, совершая мыслительный процесс, оперирует категориями, понятиями, закреплёнными в его индивидуальном сознании образами, которые являются, по выражению академика А.Г. Спиркина, результатами и идеальными формами отражения объекта в сознании человека, возникшими в условиях общественно-исторической практики, на основе и в форме знаковых систем» [3, с. 17].

Испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет считал, что философская «реакция разума на Универсум должна быть адекватной задаче», т.е. такой же универсальной, а потому философия должна быть автономной, она не должна принимать на веру ни один принцип, каким бы очевидным он ни казался, и абсолютно все философские допущения философ обязан добывать собственными средствами. Так возник принцип автономности. Но и «автономно» ищущий истину философ также оперирует определёнными образами познаваемого им мира.

Но, как считает Ф.В. Лазарев, этих двух принципов недостаточно. «Для понимания природы философского знания наряду с принципом рациональности и автономности можно упомянуть также принцип интервальности. Суть этого последнего заключается в том, что сами понятия рациональности и автономности должны быть поняты с некоторой общей точки зрения, позволяющей увидеть предельные основания как философской рациональности, так и относительности всякого знания... Получение истины возможно тогда, когда достигается «состыковка» субъекта и объекта. В

этом случае познавательная позиция субъекта приобретает новое качество: с одной стороны, она остаётся некоторой «точкой отсчёта», задающей перспективу видения реальности, с другой – она оказывается объективной меткой, интервалом, аспектом познаваемого объекта, отсюда вытекает вывод, имеющий важное значение для понимания эволюции философских идей: всякая философская истина является справедливой не вообще, а лишь в рамках определённого интервала абстракции» [4, с. 1-2].

Здесь образы могут стать своеобразной психологической установкой, их совокупность может создать своеобразную систему отсчёта, определить интервалы абстракции, в которых субъект и будет оценивать действительность, состыковывать свой субъективный мир с познаваемой действительностью, объективным миром, создавая своеобразную «ориентировочную основу деятельности» для своего познающего мир разума. Создатель теории поэтапного развития умственных действий психолог П.Я. Гальперин считает «ориентировочную основу деятельности» фундаментальным понятием в педагогической психологии, но и в философском осмыслении мира такая «ориентировочная основа деятельности» обязательно присутствует.

Вот только основа эта может быть правильной или неправильной.

Познавательная позиция, ограниченная интервалами познаваемого объекта, может быть истинной или ложной, а истинность или ложность этой позиции прямо связана с истинностью или ложностью господствующих в сознании образов.

Ложные образы создают ложные установки, а те, в свою очередь, такие интервалы взаимодействия объективного мира и познающего его субъекта, что всё это зачастую вызывает оценки событий, которые могут привести к историческим катаклизмам, таким как войны, «горячие» и «холодные», противостояние и столкновение стран, народов, культур, цивилизаций.

На заре человечества, когда человек был слит с природой, сохранял с ней органическую связь, образы в его сознании не были настолько оторваны от действительности, чтобы получить способность стать ложными.

Когда же на место естественных связей приходят социальные отношения, когда человек из доисторического становится историческим, «свобода от природы, – как отмечает И.И. Кальной, – сменяется несвободой в системе личностных отношений» [5, с. 24]. Появляется отчуждение.

Отчуждаются от природы и человека создаваемые им образы окружающего мира. Вселенная начинает жить новой жизнью, жизнью, в которой человек, выделившись из природного мира, живет по новым законам, творит свою историю, которой до выделения человека из мира природы не было.

Началась человеческая история с её катастро-

фами и переломами, войнами, классовой борьбой, революциями, контрреволюциями и перестройками, расовыми, религиозными и национальными конфликтами, гуманитарными и экологическими катастрофами.

«Высшею задачей исторического мышления является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта, – пишет Л.П. Карсавин. – В этом смысле весь мир в его целом – объект исторического изучения. Но мир в целом изучается философией, которая в своих методах должна быть преимущественно «исторической» как в постижении непрерывного развития, так и в объяснении разьединённого бытия, изучаемого как таковое другими науками. Отграничить историю от всех прочих наук только по методу невозможно – исторический метод неприменим не только в математике и физике, но и в геологии и естествознании вообще: неприменим везде, где остаётся непреодоленную пространственно-временную разьединённость. Методы естествознания не что иное, как умаление исторического метода, вполне законное в тех пределах, которыми естествознание себя определяет, и преодолеваемое лишь философией, пользующейся не только историческими категориями, но ещё и другими, высшими, историческому познанию чуждыми и в прочих науках по-иному, чем исторические, умаляемыми. Метод истории неотделим от исторического бытия, от того, что называют материалом истории, и само историческое познание не что иное, как один из моментов исторического бытия.» [6, с. 81].

Но полностью отождествлять историю как науку с объективной эмпирической данностью исторических событий нельзя.

«История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности. Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, совершившемся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную» [7, с. 18].

«Как известно, в истории культуры период господства мифологического сознания характеризуется тем, что в мифе снято разделение идеального и материального, образа и предмета, значения и смысла», – пишет профессор Ф.В. Лазарев. «Тот, кто «живёт» мифом, – говорит М. Элиаде, – из профанного, хронологического времени вступает в другое время, другое состояние, а именно в «священное время», которое изначально и всё-таки может как угодно часто возобновляться» [8, с.179].

«Мифология, по глубокомысленному учению Шеллинга, есть первоначальная история человечества. Но помимо мифов, которые уходят в глубину прошлого, различные исторические эпохи, как отмечает Н.А. Бердяев, насыщены элементами мифотворчества» [7, с. 18]. И идёт это мифотворчество

во через определённые образы, часто уже неадекватные отображаемым событиям, в определённых интервалах состыковки познающего историю субъекта. «Мы не можем понять исключительно объектной истории, – пишет Н.А. Бердяев. – Нам нужна внутренняя, глубинная, таинственная связь с историческим объектом. Нужно, чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал «историческое». Только по мере раскрытия в себе «исторического» начинает он постигать все великие периоды истории. Без этой связи, без собственной внутренней «историчности» не мог бы он понять историю...» [7, с. 18-19]. Связующим звеном здесь является наличие определённых идей, определённых образов и определённых интервалов в своеобразном стыковочном агрегате.

Как считают многие философы, в частности, И.И. Кальной, в начальной человеческой истории «носителем истинной сущности человека выступает бог». [5, с. 25]. Н.А. Бердяев считал, что «небесная история и небесная судьба человека определяют земную судьбу и земную историю человека» [7, с. 35]. Идейный предшественник Н.А. Бердяева В.С. Соловьёв отмечал, что «целью истинной философии является познание высшей формы духовной деятельности через религию» [9, с. 296].

Так ли это? Верен ли этот образ? Споры по этому вопросу среди философов ещё не привели к консенсусу. Но образ истории еврейского народа заставил Н.А. Бердяева прийти к заключению, что «еврейство имеет центральное значение в истории. Еврейский народ есть, по преимуществу, народ истории, и в исторической судьбе его чувствуется неисповедимость Божьих судеб» [7, с. 68]. «Вокруг судьбы еврейства разыгрывается особо напряжённый драматизм истории» [7, с. 69].

Интересна параллель Н.А. Бердяева между еврейством и марксизмом. «К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения всё той же древней библейской темы: в поте лица своего добывает хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий К. Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому как избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир. Все черты богоизбранности, все черты мессианские переносятся на этот класс, как некогда перенесены они были на народ еврейский. Тот же драматизм, та же страстность, та же нетерпимость, которые раньше связаны были с народом Божьим – Израилем» [7, с. 70-71]. Так образы истории еврейского народа привели к переходу

в новых интервалах к такой современной теории, как марксистская. Вот конкретный пример перехода в рамках интервального подхода от одной позиции к другой, о необходимости изучения механизма которого говорит профессор Ф.В. Лазарев. [8, с. 3].

По сути дела, Н.А. Бердяев в своём «Смысле истории» представляет точку зрения на исторический процесс как иудеев, так христиан и мусульман, т.е. представителей так называемых «авраамических» религий и марксизма, которая заключается в том, что исторический процесс кем-то и как-то предопределён и предначертан.

Исходя из этого образа исторического процесса, действовали и захватывавшие Палестину древние евреи, и крестоносцы, и арабские, монгольские и турецкие завоеватели, и русские цари, и португальские, испанские, голландские, английские, французские, немецкие и бельгийские колонизаторы, а также Гитлер, уже упомянутый нами К. Маркс, его друг Фридрих Энгельс и продолжатели их дела В. И. Ленин, И. В. Сталин, Мао Цзэдун, пламенный революционер Че Гевара и его друг французский журналист Режи Дебре.

Естественно, кровавые результаты одного из интервалов такого подхода не могли не вызвать ответной реакции. Так родилась концепция Карла Поппера, популярно изложенная им в работе «Нищета историцизма» [10].

Автор посвятил свою книгу «памяти бесчисленных жертв фашистской и коммунистической веры в Неумолимые Законы Исторической Судьбы». [10, с. 1] «Теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальная наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием» [10, с. 5]. Если бы К. Поппер читал Л.П. Карсавина! Если бы он читал «философию истории» Л.П. Карсавина, он не был бы так категоричен, он изменил бы свой интервал подхода к проблеме. «Слепоте к фактам исторических «предсказаний» способствует даже забвение о той сфере, к какой они относятся, – писал в своё время Л.П. Карсавин. – Законы Кеплера неприменимы к туманности или системе с двумя и более солнцами. Биолог не притязает на применимость его законов в те эпохи, когда на земле ещё не было или уже не будет органической жизни. Точно так же историк, изучающий данную эпоху в ее индивидуализациях, вправе не считаться с нелепым обвинением его в неприменимости ее «законов» ко всем прочим эпохам.» [6, с. 187]. Но разница в интервале подхода не позволила К. Попперу встать на позицию Л.П. Карсавина и отказать от своей, а Л.П. Карсавина К. Поппер, скорее всего, не читал. История, по К. Попперу, непредсказуема, будущее неясно, любая модель будущего утопична, а стремиться к ней, жертвуя при этом самой великой ценностью, человеческой жизнью, – безнравственно. Безнравственно убивать людей за то, что они не иудеи, не христиане, не мусульмане, не коммунисты, так же как и безнравственно убивать людей за то, что они комму-

нисты, мусульмане, христиане, иудеи. Безнравственно убивать и преследовать людей за принадлежность к иным расам, национальностям, культурам, классам и социальным группам. Всё это так, но при чём здесь история как наука? Но К. Поппер упорно утверждает, что истории как науки нет. Но если истории как науки нет, то что делать с историками и продуктами их труда, что делать пусть и с непредсказуемой, но историей? И отрицающий за историками право на прогноз К. Поппер признаёт за ними право на точку зрения [10, с. 172].

А точки зрения, или интервалы взаимодействия людей (не обязательно историков), оценивающих исторические события, с самими событиями, а также формирующие эти интервалы образы могут быть различными. Живущие в Нагорном Карабахе армяне считают его армянским, а бывший генерал КГБ СССР Г. Алиев – азербайджанским. С точки зрения суверенитета, он прав. Вот только ради этой правды стали убивать мирных жителей Сумгаита и обитателей дома престарелых в Кировабаде (ныне Гянджа). Однако карабахских армян ни истребить, ни выселить не удалось. В отличие от кировабадских стариков они взяли за оружие и отстаивали своё «незаконное» право на жизнь. С точки зрения суверенитета, прав другой бывший генерал КГБ СССР Э. Шеварднадзе, уничтоживший практически всё осетинское население Южной Осетии и попытавшийся уничтожить абхазское население Абхазии. Можно только позавидовать аджарцам: их, также находящихся под суверенитетом Грузии, не убивают, так как их автономия гарантирована не исчезнувшей с лица земли Советской властью, а системой международных договоров России, Грузии и Турции. [11, с. 234-240]. Странно только то, что общественное мнение чаще поддерживает двух вышеупомянутых бывших генералов КГБ, а не их жертвы, объясняя эту позицию приверженностью демократии как Г. Алиева, так и его коллеги по службе в КГБ СССР Э. Шеварднадзе. Права М.В. Николко, когда она в своём труде «Трудности легитимации демократических понятий на постсоветском пространстве» констатирует: «практика существования демократий свидетельствует, что часто авторитарные режимы перенимают внешние атрибуты демократии, по сути своей сохраняя status quo» [12, с. 293].

Может быть, и правы дипломированный юрист М.С. Горбачёв со своей теорией множества суверенитетов в одном государстве и его не столь грамотный преемник Б.Н. Ельцин с его лозунгом «берите суверенитета, сколько сможете». Наше мнение по этому поводу, совпадающее с мнением К. Маркса, считавшего наличие двух суверенных властей в одном государстве «нелепостью», было опубликовано в газетах «Кримська світлиця» и «Воин содружества» [13, с. 2; 14, с. 3]. А одним из практических результатов такой нелепости стало то, что Чечня, следуя лозунгу Б.Н. Ельцина, набрала столько суверенитета, что стала распространять его на Дагестан и Москву, да так, что пришлось вводить в неё федеральные войска. Возможно, здесь сыграла свою роль особая пассио-

нарность чеченцев, пассионарность, которая даже не снилась самому Л.Н. Гумилёву (чеченка Сажи Умалатова после распада СССР продолжает возглавлять Верховный Совет СССР и продолжает вручать золотые звёзды Героев Советского Союза, давать генеральские звания одним и лишать воинских званий других в зависимости от их отношения к бывшему государству, Верховный Совет которого она возглавляет, а единственная дочь несравненной Аллы Пугачёвой выходит замуж за чеченца), может быть, но суверенитетом Чечню явно перекормили. И снова гибли и гибнут люди. Не хватит ли петь песни «павшим с честью во имя идей»? Не пора ли прекратить во имя идей убивать?

Ложные идеи, ложные образы, интервалы взаимодействия, в которых формируются эти образы и идеи, - не пора ли обезопасить человечество от их смертоносного воздействия? Дай бог, чтобы с лёгкой руки А.П. Цветкова в Крыму уже началось торжество средиземноморской идеи [15, с. 313-314]. Чтобы в таком, по выражению А.С. Архангельской, «эпицентре бытия» как Крым [16, с. 252], события развивались по А.П. Цветкову, чтобы Крым, оставаясь, по выражению А.П. Цветкова, и «маленькой Россией» [15, с. 314], и Востоком в миниатюре [15, с. 314], и «маленьким Западом» [15, с. 314], не раздражал в этом качестве Киев, помогал бы ему развивать отношения с «большим Западом», Востоком и «большой Россией». Да и соответствующий образ врага в сознании и украинцев, и русских ещё не созрел. Не дай Бог, если он вдруг когда-нибудь созреет.

Образ врага. Сколько было нареканий в его адрес после распада СССР. Не было никакого врага в лице капиталистического Запада, был только его образ. Но так ли это? В 1954 г. со стороны СССР была предпринята попытка вступить в НАТО, и «враги» из НАТО в ответ на протянутую руку дружбы поступили, как настоящие враги – в НАТО СССР не приняли. Так что образ врага был не так уж и ложен. А образ друга в лице Гитлера после подписания пакта Риббентропа-Молотова? Практика показывает, что образами в политике надо оперировать осторожно. Не случайно Фридрих Ницше пишет: «Образами и сравнениями убеждают, но ничего не доказывают. Поэтому наука так и боится всяких образов и сравнений; она избегает всего, что может сразу убедить и заставить поверить; она предпочитает, наоборот, самую холодную недоверчивость, почему стиль её лишён украшений и представляет из себя, так сказать, голые стены. Недоверие есть пробный камень, которым определяется чистое золото достоверности» [17, с. 327]. Вот только советский академик Д.И. Яворницкий поверил сразу в два взаимоисключающих на том этапе друг друга образа врагов-друзей Украины. Он одновременно оправдал и сторонника Турции гетмана Петра Дорошенко, и сторонников России запорожских казаков. При этом он считал патриотической и одну, и другую точку зрения. [18, с. 6; 19, с. 3; 20, с. 2].

К сожалению, далеко не академически к обра-

зу врага подходят отдельные лидеры межджлиса крымскотатарского народа. Для них образ врага един и неизменен. Это русский народ. Образ врага они перенесли с Екатерины II, И.В. Сталина и Л.П. Берии (которые к русскому этносу, кстати, никакого отношения не имеют) на весь русский народ. И образ этот работает. Не случайно мои работы о службе крымских татар в русской армии, в том числе и книгу «Гаврические татарские дивизионы бешлейского войска (1788-1796). Документы и материалы» [21], некоторые крымские татары встречают весьма настороженно – ведь служили-то крымские татары в русской армии, которую некоторые крымские татары считают армией врага. Образ врага распространяется и на тот русский народ, который составляет большинство населения Крыма. К чему это может привести – нетрудно понять. Если в Крыму Восток столкнётся с «маленькой Россией» в лице русского населения, то это может обернуться очередной гуманитарной катастрофой мирового масштаба.

Где же критерий истины? Где те интервалы, в которых субъект исторического исследования сможет судить о смысле происходящего?

В полемике с автором теории культурных циклов О. Шпенглером К. Ясперс настаивает на единстве мирового исторического процесса, а в полемике с марксистами – на приоритете его «духовной составляющей».

Обратившись к линейной схеме истории, к христианскому пониманию истории как единой линии, имеющей начало и конец, то есть своё смысловое завершение, К. Ясперс отказывается, однако, усматривать её «ось» в боговоплощении, аргументируя это тем, что историческая ось должна иметь значение для всего человечества, в то время как явление Христа значимо только для христиан. Поскольку веру, общую для «всего человечества, которая объединяла бы, а не разъединяла разные культурные регионы планеты, не смогли предложить мировые религии – ни буддизм, ни брахманизм, ни христианство, ни иудаизм, ни ислам, – К. Ясперс убеждён, что общей для человечества верой может быть только философская вера, которая, как утверждает учёный, древнее, нежели христианство или ислам. Время рождения философской веры – это и есть искомая «ось мировой истории», или, как говорит К. Ясперс, «осевая эпоха». Это – время примерно между 800 и 200 годами до н.э. Именно в этот промежуток времени возникли параллельно в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции духовные движения, сформировавшие тот тип человека, который, согласно К. Ясперсу, существует и поныне.

Если условием экзистенциального общения является, с точки зрения К. Ясперса, общая судьба, «общая ситуация», делающая возможным взаимопонимание двух, трёх, нескольких людей, то условием общечеловеческой коммуникации К. Ясперс считает общий духовный исток всего человечества – «осевую эпоху» как корень и почву общеисторического бытия.

Отсюда вытекает особая роль философии (а

следовательно, и истории, и исторической методологии) в современном обществе. Философия, как говорит К. Ясперс, перестаёт быть делом только узких кружков или университетских курсов, она сегодня приобретает особую функцию – связать всех людей с помощью философской веры, которая, по замыслу К. Ясперса, должна служить противовесом против рационалистических утопий, претендующих на создание рая на земле, но в действительности разрушающих нравственные и культурные традиции и ввергающих в ад братоубийственных войн и взаимного недоверия тех, кто эти утопии пытается реализовать. А пока философия не стала решающей силой исторического развития, люди в своей массе не просветлели, «никто не может знать, что же действительно старое и что, собственно говоря, будущее; эпоха ещё не ясна в своей сущности, поэтому – не понимая ни себя, ни ситуации, люди борются, быть может, против подлинного смысла» [22, с. 4]. Так зачастую и получается.

Что же делать? Философам истории задавать правильные интервалы оценки событий, историкам – правильные образы прошедших событий, а политологам – правильные образы ещё не осмысленных историками текущих событий? А как же с моделированием будущего и стремлением к цивилизованному обществу и мировому порядку вообще? Или открытое общество Карла Поппера сделает всё это само по себе?

«Человеку как существу конечному, – пишет К. Ясперс, – свойственны импульсы к сопротивлению, которые делают маловероятным, чтобы в мире был установлен такой порядок, где свобода каждого была бы настолько зависима от свободы всех, что превратилась бы в абсолютную власть, способную полностью обуздать всё препятствующее свободе – конечное стремление к власти, конечные интересы вновь вырвутся на поверхность, приняв новые формы» [23, с. 224]. И даже если «в истории наряду со стремлением к насилию всегда присутствовала и готовность к отречению, к компромиссу, к взаимным жертвам, к самоограничению силы не только из соображений выгоды, но и вследствие признания правовых норм», что свойственно, по мнению К. Ясперса, «людям аристократического склада, обладающим чувством меры и внутренней культурой», наличие людей, «которые всегда считают, что они правы», и тех, «кто решает споры насильственным путём», «не способен прийти к какому-либо соглашению и предпочитает наносить удары», «спокойное состояние» общества «не может сохраняться длительное время, так же, как это было во всех предшествующих государственных образованиях. Ликование по поводу достигнутого рах аетerna будет обманчивым. Преобразующие силы примут новые формы» [23, с. 224]. Распад СССР и крах мировой системы социализма – яркое подтверждение этих слов философа.

«Предел исторических возможностей» по К. Ясперсу «таится в глубине человеческого бытия. Полное завершение никогда не будет достигнуто в мире человека, потому что человек является тем

существом, которое всегда стремится выйти за свои пределы, и не только не бывает, но и не может быть завершён. Человечество, которое желало бы остаться только самим собой, утратило бы в этой замкнутости в себе свою человеческую сущность» [23, с. 225].

Но тем не менее К. Ясперс считает, и с этим нельзя не согласиться, что «в истории мы можем и должны обращаться к идеям, если мы хотим сообща найти смысл в нашей жизни. Проекты вечного мира или предпосылок вечного мира остаются истинными даже в том случае, если данная идея не может служить конкретным осуществимым идеалом, более того, далеко выходит за рамки какого бы то ни было реального воплощения и навсегда остаётся невыполнимой задачей. Несмотря на то, что идея составляет смысл всякого планирования, она никогда полностью не совпадает ни с предвосхищением возможной реальности, ни с самой реальностью. В основе такой идеи заключено ничем не обоснованное доверие, твёрдая вера, что не всё ничтожно, что мир – не только бессмысленный хаос, переход из небытия в небытие. Такому доверию открывают себя идеи, сопровождающие нас в нашей жизни во времени. Такому доверию представляется истинным и видение пророка Исайи, это видение всеобщего согласия, где идея превращается в символическую картину будущего: «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» [23, с. 225].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) в статье была предпринята попытка осмысления, с точки зрения герменевтики, одного из подходов к философии истории;

2) инновационным является подход к проблеме в свете концепции интервального подхода профессора Ф.В. Лазарева;

3) образы могут стать своеобразной психологической установкой, их совокупность может создать своеобразную систему отсчета, определить интервалы абстракции, в которых субъект и будет оценивать действительность, состыковывать свой субъективный мир с познаваемой действительностью, объективным миром, создавая своеобразную «ориентировочную основу деятельности» для своего познающего мир разума;

4) познавательная позиция, ограниченная интервалами познаваемого объекта, может быть истинной или ложной, а истинность или ложность этой позиции прямо связана с истинностью или ложностью господствующих в сознании образов;

5) ложные образы создают ложные установки, а те, в свою очередь, такие интервалы взаимодействия объективного мира и познающего его субъекта, что все это зачастую вызывает оценки событий, которые могут привести к историческим катаклизмам, таким как войны, «горячие» и «холодные», противостояние и столкновения стран, народов, культур, цивилизаций.

Литература:

1. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. / Общ ред. и вступ. статья Б.Н. Бессонова. - М.: Прогресс, 1988. - 704 С.
2. Лазарев Ф.В. История философии. - РИЦ Ателье. - 1993. - 16 с.
3. Спиркин А.Г. Образ // БСЭ. - Изд. 3-е. - М.: Советская энциклопедия, 1974. - Т. 18. - С. 217.
4. Лазарев Ф.В. Указ. соч.
5. Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. - Симферополь: Таврия, 1990. - 192 с.
6. Карсавин Л.П. Философия истории. - С.-Петербург: АО. Комплект, 1993. - 352 с.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. - 176 с.
8. Лазарев Ф.В. Счастье и смысл: на пути к трансцендентному // Культура народов Причерноморья. - 1998. - №3. - С. 179-182.
9. Переход С.О. Смысл всеединства в философии В.С. Соловьёва // Культура народов Причерноморья. - 1998. - № 3. - С. 295-296.
10. Поппер К.Р. Ницета историцизма.: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - ВИА, 1993. - 187 с.
11. Похлёбкин В.В. Об исторических судьбах и международно-правовом статусе Аджарии – одной из автономных частей Грузии // Московский журнал международного права. - 1998. - №4(32). - С. 234-240.
12. Николко М.В. Трудности легитимации демократических понятий на постсоветском пространстве // Культура народов Причерноморья. - 1998. - №3. - С. 293-295
13. Масаев М. Квадратура круга // Кримська світлиця. - 1995. - №11 (114). - 18 березня. - С.2
14. Масаев М.В. В квадратуре круга // Воин сотрудничества. - 1995. - №13 (93). - С.3
15. Цветков А.П. Средиземноморская идея в культуре Крыма // Культура народов Причерноморья. - 1998. - № 3. - С. 313-314.
16. Архангельская А.С. Крым. Духовные ресурсы природы. К проблеме так называемых «эпицентров бытия» // Культура народов Причерноморья. - 1996. - № 3. - С. 251-252.
17. Ницше Фридрих Странник и его тень. - М.: «REFL - воок», 1994. - 400 с.
18. Масаев В., Масаев М. Был ли предателем гетман Дорошенко? // Будем милосердны. - 1993. - №11 (88). - С. 6.
19. Масаев М. Д.И. Яворницкий – летописец запорожского казачества и певец украинской старины // Сын Отечества. - 1993. - № 11 (999). - 15 мая. - С. 3
20. Масаев М. Восторжествует ли на Украине дело гетмана Петра Дорошенко // Голос избирателя. - 1993. - № 3. - 17 ноября. - С. 2
21. Масаев М.В. Таврические татарские дивизионы бешлейского войска (1784-1796 гг.) Документы и материалы. // Государственный архив при Совете министров Автономной Республики Крым. - Симферополь: Доля, 1999. - 352 с.
22. Масаев М. Смысл и назначение истории: философско-историко-методологический аспект по К. Ясперсу // Голос избирателя. - 1995. - № 9 (86). - 18 марта. - С. 4.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. - М.: Республика, 1994. - 527 с.